

Учитывая возможность отвода при наличии конфликта интересов доверителей, адвокаты должны быть осторожны при принятии поручений, дабы избежать щепетильных ситуаций, грозящих лишением лиц юридической помощи со стороны избранного ими адвоката.

Примечания

¹ Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под ред. В.М. Лебедева, В.П. Божьева. М.: Спарк, 2002. С. 151.

² Бюллетень Верховного Суда РФ. 2008. № 4. С. 21.

³ Рудацкая Е. Запретить адвокату защищать двух обвиняемых по одному делу // Российская юстиция. 2002. № 9. С. 38.

⁴ См.: Таран А.С. Защита по назначению: квалифицированная юридическая помощь или бесплатный сыр? // Актуальные проблемы современного уголовного процесса России: межвуз. сб. научных статей / под ред. проф. В.А. Лазаревой. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2007. Вып. 2. С. 60–67.

⁵ Дисциплинарное производство в отношении адвоката О. // Профессиональная этика адвокатов: сборник материалов / сост. Н.М. Кипнис. М.: ООО «Вариант», 2004. С. 352–353.

⁶ См.: Судебная практика. 2000. № 1. С. 14.

⁷ Кипнис Н.М. Указ соч. С. 42–49.

⁸ Уголовный процесс: учебник для вузов / под ред. В.П. Божьева. 2-е изд., испр. и доп. М.: Спарк, 2000. С. 123.

⁹ Воробьев А.В., Поляков А.В., Тихонравов Ю.В. Теория адвокатуры. М.: Грантъ, 2002. С. 482.

¹⁰ Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Архангельского обл. суда от 29 августа 2006 г. Дело № 22-к-2602.

*К.В. Степанов**

ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВА ИМЕТЬ ЗАЩИТНИКА НА ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ

Уже более 7 лет действует Уголовно-процессуальный кодекс РФ от 18 декабря 2001 года, значительно изменивший уголовное судопроизводство. Данный закон, очевидно, направлен на усиление гарантий прав личности в уголовном судопроизводстве, в связи с чем в нем появились новые, неизвестные прежде уголовно-процессуальному законодательству институты, права и обязанности субъектов процесса, расширяющие возможности личности по защите своих законных интересов. В целях обеспечения прав подозреваемого и обвиняемого в закон введены допол-

* © Степанов К.В., 2010

Степанов Константин Владимирович — кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Южного федерального университета

нительные гарантии права на защиту в общем и права иметь защитника в частности. Однако же на практике назначение данных процессуальных гарантий в полной мере не достигается, что в первую очередь объяснимо ненадлежащим качеством правоприменительной деятельности.

Безусловно, причин ненадлежащего правоприменения в сфере уголовного судопроизводства, как и в любой другой сфере общественной жизни, множество. Среди традиционно называемых (низкий уровень правосознания сотрудников правоохранительных органов, качество нормативных актов и прочее) особо хотелось бы выделить такой фактор, который профессором Ю.А. Ляховым назван «незаконным ведомственным интересом». На наш взгляд, именно незаконный ведомственный интерес в настоящее время обеспечивает наибольший вклад в искажение назначения всего уголовного судопроизводства и отдельных его институтов. И на примере права иметь защитника можно проследить силу влияния данного фактора на правоприменительную деятельность.

Влияние незаконного ведомственного интереса на деятельность следователя можно рассматривать в двух уровнях. Первый уровень предполагает его непосредственное влияние на применение норм права и выражается в искажении смысла правовых норм, восполнении пробелов и устранении противоречий правовых норм в угоду интересам службы, отличных от целей и задач, указанных в ст. 6 УПК РФ.

Так, в соответствии с п. 3 ч. 3 ст. 49 УПК РФ защитник участвует в уголовном деле с момента фактического задержания лица, подозреваемого в совершении преступления. Данная норма направлена на обеспечение права иметь защитника для подозреваемого на протяжении всего времени осуществления уголовного преследования. Она в совокупности с остальными пунктами ч. 3 ст. 49 УПК РФ и п. 15 ст. 5 УПК РФ исключает даже незначительные временные периоды существования процессуальной фигуры подозреваемого без возможности реализации права иметь защитника. Действительное же положение подозреваемых по большинству уголовных дел далеко от законодательной задумки. Устоявшаяся следственная практика наделяет уголовно-процессуальные нормы прямо противоположным смыслом: под моментом задержания понимается не момент фактического лишения свободы передвижения лица, подозреваемого в совершении преступления, а момент составления протокола задержания либо в лучшем случае момент доставления подозреваемого в орган дознания. А, следовательно, подозреваемому только с этого момента предоставляется реальная возможность воспользоваться услугами адвоката. Таким образом, подозреваемый лишается права иметь защитника на срок от нескольких часов до нескольких суток. Судьи оставляют без внимания эту заведомо порочную практику, безапелляционно принимая объяснения оператив-

ных сотрудников о том, что подозреваемые добровольно являются в орган дознания, сутками находятся в служебных кабинетах и пр.

Логика такого искаженного толкования правовой нормы, регламентирующей момент начала участия защитника в производстве по уголовному делу, довольно проста. Первоначальный этап расследования уголовного дела, сопряженный с фактическим лишением свободы передвижения подозреваемого и отсутствием адвоката, оказывает на него серьезное деморализующее воздействие, предоставляет оперативным работникам и следователю фактически безграничные возможности для раскрытия преступлений, а в действительности — возможности злоупотребления своими полномочиями с целью создания видимости эффективности своей работы. Буквальное толкование уголовно-процессуальных норм, регламентирующих момент вступления защитника в производство по уголовному делу, и соответствующее правоприменение лишат сторону обвинения данных преимуществ.

Второй уровень влияния незаконного ведомственного интереса на правоприменительную деятельность носит более общий характер и представляет собой использование законодательной инициативы, иного участия в законотворческом процессе для изменения закона. Незаконный ведомственный интерес опосредованно через создание неправового закона оказывает воздействие на следственную и судебную практику.

Наиболее показательным примером в данном случае может служить уже неоднократно отмеченная многими авторами ч. 2 ст. 52 УПК РФ. Первоначальная редакция ч. 2 ст. 52 УПК РФ обеспечивала абсолютное право подозреваемого (обвиняемого) иметь защитника, выступая гарантией этого права, от которого можно отказаться вне зависимости от воли других лиц. Действующая редакция ст. 52 УПК РФ, в соответствии с которой отказ от защитника не обязателен для дознавателя, следователя и суда, фактически превращает право иметь защитника в обязанность, бремя несения которого зависит от правоприменителя. Цель изменения закона не скрывалась разработчиками законопроекта — нивелировать действие ч. 2 ст. 75 УПК РФ, исключив случаи дачи показаний подозреваемыми (обвиняемыми) в отсутствие защитника.

Негативные последствия изменения закона под влиянием незаконного ведомственного интереса приобрели на благодатной почве глобальные масштабы. Обязательное назначение адвоката вопреки воле подозреваемого (обвиняемого) дискредитировало сам институт назначения защитника. Участие назначенного защитника зачастую носит уже не столько формальный, сколько «виртуальный» характер, когда защитник, имеющий особый характер личных отношений со следователем,

фактически не присутствует при производстве следственных действий, но протокол следственного действия указывает обратное.

Значительно снизить влияние незаконного ведомственного интереса на правоприменительную деятельность могла бы система критериев оценки качества предварительного расследования, принципиально отличающаяся от «палочной». Задача же разработки такой системы представляется достаточно сложной, ведь до настоящего момента в науке никем не предложен бесспорный перечень показателей качества следствия. Думается, что в основу такой системы наряду с другими могла бы лечь общественная оценка эффективности работы правоохранительных органов. Ранее в научной литературе неоднократно подвергались критике предложения по реформированию системы показателей качества следственной работы, рекомендуемых Уполномоченным по правам человека в РФ, предлагавшим увязать критерии надлежащей работы следователя с мнением общества о ней. Несмотря на то что процесс формирования общественного мнения свидетельствует о том, что оно в различных ситуациях оказывается в разной степени адекватным реальному положению вещей — может содержать в себе как верные, реалистичные, так и ложные иллюзорные представления о действительности, — иного конструктивного предложения, способного коренным образом перестроить оценку качества следственной работы, пока нет.

*О.В. Леонова, В.А. Борченко**

РАЗРЕШЕНИЕ ГРАЖДАНСКОГО ИСКА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Уголовно-процессуальное законодательство предусматривает возможность в ходе расследования и рассмотрения в суде уголовных дел предъявлять гражданский иск о возмещении материального ущерба, причиненного совершенным преступлением.

В соответствии со ст. 44 УПК РФ физическое или юридическое лицо, предъявившее требование о возмещении имущественного вреда, при наличии оснований полагать, что данный вред причинен непосредственно преступлением, является гражданским истцом. Он наделен довольно широкими полномочиями по участию в уголовном процессе. Однако ре-

* © Леонова О.В., Борченко В.А., 2010

Леонова Ольга Васильевна — старший преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики Самарского государственного университета

Борченко Вера Алексеевна — кандидат юридических наук, старший преподаватель института ФСИН РФ